

РУССКОЕ НЕБО ЕВГЕНИЯ СЕМИЧЕВА

Небо становится родным...

Небо словно приближается метафизическими слоями поэзии, представленное сложными вспышками смысла, и лёгким, летучим размером:

Чем так встревожены птицы?
Ясно любому ежу –
Это я в красной рубахе
Тихо на небе лежу.

Облако белое справа.
Млечная вечность оплечь.
Кто умалит мое право
Скромно на небе прилечь?

Небо Е. Семичева особого свойства: очень русское, связанное с исключительными особенностями национального мировидения, но и – с таинственным корнем истории, ибо исторические пласты играют важную роль в поэзии Семичева.

В парадных военных расчётах
Великая слава течёт.
В расчёт не берут желторотых.
Их скромная слава не в счёт.

Оркестров мажорное форте –
Бесстрашным солдатам страны.
А дети победного фронта
Стоят у обочин войны.

Здесь – иной чекан стиха, сделанного с жёсткостью и блеском, но снова исконное, русское прорастает мистическими травами сквозь выпуклую конкретику картин.

А вот – меты пути поэта, постепенное движение по линии технической аскезы, раскрывающее – помимо тайн ремесла – необходимость основных явлений:

Приходит время мудрого прозренья.
С души спадает розовый туман.
Метафоры, эпитеты, сравненья
Покорно на второй отходят план.

Вперёд выходит простота и ясность.
Их не пугает вековая тьма.
И в слове утверждается согласность,
Как равновесье сердца и ума.

Торжественное равновесье: баланс опыта, мастерства, силы, глубины...

Поэзия Семичева свободна: дыхание её широко, вольготно, в нём есть нечто от спокойно текущей воды, от волжских просторов, от видимой неподвижности сильного течения.

...сливаются – материнская тема и запредельность: пересекаются в определённой точке, и небесные страны распахиваются, как будто:

Млечная речка, вселенская речка,
Ты пробегаешь в небесном раю.
Там перед Богом замолви словечко
За молчаливую маму мою.

Мама просить никогда не умела.
Только горела, почти не дыша.
Таёт, как воск, её брненное тело...
В чём-то и держится только душа?!

...и накатывающая смертная тоска боли за мамину жизнь превращается в тихую поэтическую молитву...

... снова распахнётся русское: даже расейское, столь знакомое многим, да всем почти, раскиданным по бессчётным российским весям:

Шел по улице мужик,
Песню пел.
Как душа его лежит,
Так и пел.

Он мотив перевирал,
Путал слог.
И нещадно глотку драл –
Пел как мог.

Пел, как жизнь свою сложил,
Одна.
Кто-то умный доложил
По «ноль-два».

Высокая ясность отмечает поэзию поэта; таковая мера и должна быть определяющей в недрах русской поэзии: от классических корней идёт духовное питание современного стиха.

...как чудесно сквозит ласточка, пришивающая к небу лучи, как точно и красиво увидено:

Городская ласточка-воронок
Поутру срывается с каланчи.
К полотну небесному, как челнок,
Пришивает солнечные лучи

Много таких своеобразных откровений разбросано в поэзии Семичева...

...конкретика плоти жизни, с многочисленными подробностями, играет необыкновенную роль в поэзии Семичева: через неё просвечивает действительность душ:

На тарелках дрожит холодец.
От вина запотели рюмахи.
От Володьки уходит отец,
А Володька в нарядной рубахе.

Лакомство еды и вина – а на деле всё склоняется к градусу трагедии, которая всегда связана и соотносится с прощанием, где – непременно участниками становятся яства и питье...

И Володька играет отцу,
Он выводит колена такие,
Что текут у отца по лицу
Неподкупные слёзы мужские.

И отец говорит: «Молодец!
Будь разумным и слушайся маму».
На тарелках дрожит холодец,
Разделивший семейную драму.

Драма, остро, но напевно означенная, ворвётся в сознание читателя, совершая там перевороты, заставляя сопоставлять с собственным опытом, сравнивать, проводить параллели...

«Холодец» наименованное стихотворение завершится участием одного блюда в космосе трагедии, и собаки, колоритно вписанные в последнюю сцену-четверостишие, словно оторвавшись от еды, глядят на вас глазами, полными трагизма:

Переулком уходит отец,
Весь расхристанный, как после драки.
А не тронутый им холодец
Во дворе доедают собаки.

Через мир конкретных судеб просвечивает пространство всеобщности: все люди – листья единого древа, но осознают сие так мало, трепеща на онтологическом ветру, вздрагивая от экзистенциального ужаса неведения грядущего...

От предстоящей всем смерти.

Социальность интересно прорывается в поэзии Семичева: она связана с лирическим натяжением, таким напряжением строк, что, соединяясь волокнами, гражданское и лирическое образуют интересное единое целое:

Не надо ни ада, ни рая.
Я был и в аду, и в раю.
Что хата родимая с краю,
Когда вся страна на краю?

Поднявшись на зореньке ранней,
 Сутулясь, бреду на закат...
 Кто Родину любит – тот крайний,
 А крайний во всём виноват.

Райские отсветы лежат на стихах...
 Адский огонь опалает их...
 Обожжённая лента русской трагедии мощно перевивает созвучия
 Семичева.
 ...вспыхивает абсурдный элемент:

Майским салютом расцвёл небосклон,
 Слава весну и Победу.
 Литерный в небе идёт эшелон –
 Павшие воины едут.

Фантазия поэта заставляет по-новому взглянуть на трагедию, что не остывает в памяти, и небосклон, так пышно расцвеченный салютом, словно обращается в мистический маршрут, которым проходит вечный поезд павших:

Через разливы цветущей весны,
 Через небесные кущи
 Павшие воины едут с войны
 К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
 Мимо заводов и пашен...
 Всех их в один эшелон собрала
 Память священная наша.

Россия густо собрана в созвездиях слов Семичева: тут и сёла, и деревни, и крылечки изб, и их внутреннее, своеобразным светом залитое содержание, и города, и пашни, и самые разнообразные природные богатства...

Тут и свет, свет...

Много света – особого, русского, воспринимаемого и чувствуемого тоже по-особенному: так, что не возразишь его струению: нужно принимать и постигать.

...сатирические ноты слышатся:

– Кто это в землю под окнами врос,
 Весь изогнувшись, как ящер?
 – Батюшка-князь! Это Русский Вопрос.
 Пёс беспородный смердящий.

– С кручи в Днепро опустите его,
 Яко гнилое полено.
 – Солнышко-князь! Мы и так, и тово...
 Море ему по колено.

Однако – сатирическое пересекается с великолепно сказовым, словно создается современная старина-былина, и русский вопрос, обугленный веками, смердящий болью... разрешим ли?

Вопросов много.

Поэт часто даёт ответы на них, предлагая прочувствованную мысль, сложную систему образов: при внешней ясности, доступности поэзии всем, в ком бьётся чуткое сердце.

...и вновь распускаются небеса – тотальной русской необыкновенностью:

Уйду с головой в небеса,
Устав от сердечного гуда.
Туда не берут адреса.
И письма не пишут оттуда.

Уйду поутру налегке.
До облачной выси достану.
И буду для мира никем.
И дождиком ласковым стану.

Запредельное манит: а что лучше воплощает запредельное, нежели именно небеса, чья краса извечна, чья сущность так славно разворачивается сияниями и... мечтами.

Тихая грусть, овевающая иные стихи Семичева столь же логична, сколь и красива: цветение её – сродни яблоневому майскому цветку.

...и снова проявляются, раскрываются вечные шифры русской судьбы:

А люди, как в смутное время,
В хорошего верят царя.
Он вступит в звенящее стремя,
Народную волю творя.

Плащом небеса занавесит.
Щитом остановит раскол.
Продажных и лживых повесит,
А подлых посадит на кол.

Да, именно такая вера во многом определяет русскую жизнь, и тем не менее и в ней есть свой космос, своя метафизика.

Свои небеса.

Поэтические небеса Евгения Семичева высоки.

О многом поведал граду и миру поэт, расшифровывая собственную душу, постепенно творя свой манускрипт, отправляемый в вечность.